

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1947 Ленинград

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ В 1945 г.

С 14 ноября по 7 декабря 1945 г. была проведена археологическая разведка городища Афрасиаб, представляющего собой остатки шахристана гор. Самарканда, покинутого жителями после монгольского нашествия в 1220 г.¹

Материальная культура Самарканда послеарабского времени довольно подробно, с точки зрения разведки, описана в работе В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда».² Ввиду этого наше основное внимание было направлено на отыскание и обследование наиболее ранних следов жизни на Афрасиабе.

Городище Афрасиаб имеет в плане вид треугольника, обращенного на север одной стороной, вдоль которой проходит большой арык Сиаб. Над арыком Сиаб, в центре северной стороны, возвышается холм цитадели; к цитадели с западной стороны прилегают остатки первого укрепления. Вал второго укрепления обнимает пространство, включающее цитадель, первое укрепление и значительную площадь в центре городища; ко второму укреплению в центре городища, с юга, прилегает сравнительно небольшой участок, охваченный валом третьего укрепления. Вдоль всего внешнего края городища, ограниченного крутыми склонами и обрывами лёссовых холмов, тянется вал последнего, четвертого, укрепления Афрасиаба. Поперечник городища с севера на юг равен 1,5 км, такую же протяженность имеет оно и с востока на запад.

Городище Афрасиаб, отличаясь сложностью рельефа местности — мелкорасчлененные лёссовые холмы, — на которой оно расположено, имеет весьма своеобразную стратиграфию культурных наслоений. Толщина их на участках с спокойным рельефом обычно 4—6 м. В тех же местах, на которых можно предполагать наличие древних промоин, заполненных культурными остатками и отходами производств из ремесленных мастерских (гончарных, по обжигу ганча или алебаstra, и пр.), мощность наслоений достигает 10—12 м. Кроме того, несомненно мощность наслоений весьма значительна еще в тех пунктах древнего Самарканда, в которых жизнь протекала особенно интенсивно или они являлись местами большой строи-

¹ Работы проведены мною в составе объединенной экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН УзССР и Узкомстарис в гор. Самарканде.

² О ходе археологического изучения городища Афрасиаб см. работу А. Ю. Якубовского «Из истории археологического изучения Самарканда». Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, Л., т. II, 1940.

тельной деятельности, например, в районе, непосредственно примыкающем к цитадели с востока, запада и юга.

Наиболее ранние культурные слои на городище, установленные разведкой, как это будет видно из дальнейшего, восходят к первым векам до нашей эры. Весьма важно то обстоятельство, что они далеко не всюду скрываются под глубокими толщами позднейших культурных остатков, а в ряде мест, особенно в северной половине города, выходят непосредственно на дневную поверхность.

Замечательно, что эти ранние слои обнаруживаются на всей обширной площади городища. В северной части его они мощнее и более насыщены культурными остатками. На основании этих данных можно определенно говорить о том, что город Самарканд после завоевания Александра Македонского являлся большим городом, каким и следовало представлять себе центр Согды, передовой и культурнейшей провинции древней Средней Азии.

Приведем краткое описание наиболее интересных пунктов с наслоениями раннего времени, которые нам удалось обследовать.

На восточном склоне холмов в центре городища, обращенных к шоссе Самарканд—Ташкент, были обнаружены на 5—6 м ниже вершины на протяжении до 100 м горизонтально залегающие слои глины и золы с культурными остатками раннего времени. Под ними лежит чистая лёссовая глина. В двух пунктах при зачистке внешнего края культурного слоя были найдены следующие предметы: средней величины железный трехлопастный черешковый (без порожка) наконечник стрелы (рис. 50), глиняный бокал (рис. 51, 1), фрагменты бокалов, хумов и кувшинов, часть глиняной крышки для хума, зернотерки, кости коров, овец, лошадей.

На площадке у восточного стыка вала третьего укрепления с валом второго укрепления ранний культурный слой выходит непосредственно на поверхность. Короткая промоина, падающая здесь с холма, разрешила место свалки отходов из печей по обжигу алебаstra (ганча), толщина которых достигает 5 м. В них оказались тонкие, но насыщенные культурными остатками прослойки. При осмотре обнажения в нем были найдены следующие предметы: головка крупной терракотовой статуэтки (рис. 51, 2), хорошей работы бокал с обломанной ножкой, фрагменты хумов и кувшинов. На поверхности поля в пашне была подобрана верхняя часть культового изображения барана.

В обрывах оврага с мавзолеем Ходжа Даньяра у арыка Сиаб были обследованы гончарные печи. Топка одной из них была заполнена отходами гончарного производства в виде кусков необожженной глиняной посуды, бракованной обожженной посуды и кусков шлаков.

Среди них были найдены два необожженных культовых изображения баранов, три глиняные игрушки, из которых определяются фигурка всадника на коне (рис. 51, 3) и фигурка верблюда, части глиняных кубков, кувшинов и пр.

Западнее места соборной мечети, к западу от цитадели, исследованной в 1904 и 1905 гг. В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным, ранние культурные слои выходят на поверхность на площади до 200 м в поперечнике. Здесь на небольшом холме нами был заложен для изучения стратиграфии наслоений шурф размерами 4×4 м. В нем на глубине 1 м от поверхности от-

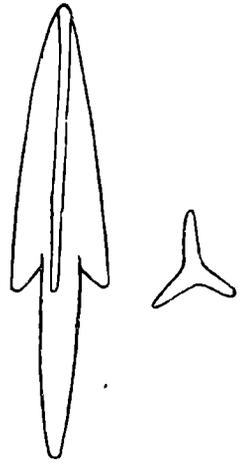

Рис. 50. Железный наконечник стрелы

крылась часть здания, повидимому, имеющего большие размеры. Оно было сложено из крупных квадратных сырцовых кирпичей ($36 \times 36 \times ?$ см) и имело стены до 1 м 20 см толщины. В открытой части помещения, кроме рядовых фрагментов глиняной посуды и костей животных, были найдены целый (в обломках) бокал хорошей работы (рис. 51), железный наконеч-

Рис. 51. Находки на городище Афрасиаб

1 — бокал; 2 — головка терракотовой статуэтки; 3 — детская игрушка — «всадник на коне»; 4 — бокал; 5 — фрагмент хума с оттисками печати

ник стрелы, подобный описанному, и несколько фрагментов чернолаковых сосудов (бокала, кувшина). Ниже горизонта с постройкой залегала зола с культурными остатками, заполнявшими яму. Шурф был углублен до 3 м от поверхности, но вся толща культурного слоя им не пройдена.

Наиболее типичной особенностью всех описанных местонахождений является присутствие такой специфической формы сосудов, какую представляют бокалы. Глиняные сосуды, особенно небольших размеров, обыч-

но бывают покрыты красным ангобом или иногда лаком. Кубки встречаются двух основных типов. Одни из них близки к рюмковидному кубку, изданному В. Л. Вяткиным,¹ другие представлены типом кубков Тали-Барзу.² Прямая общность этой ранней культуры Афрасиаба с Тали-Барзу I подтверждается и рядом других находок. Так, прежде всего следует отметить находки культовых изображений баранов.³ Далее, очень интересны в этом отношении игрушки в виде всадников на конях. В слоях Тали-Барзу I целых таких же фигурок не было найдено, но и изданная Г. В. Григорьевым головка коня довольно выразительна.⁴ У наших фигурок, как и у фигурки с Тали-Барзу, не обозначены глаза, уши стоячие, а грива поставлена высоким тонким гребнем. Фигурки всадников наших игрушек почти совершенно не моделированы.

Г. В. Григорьев датирует Тали-Барзу I первой половиной I тысячелетия до нашей эры.⁵ Однако найденные нами железные наконечники стрел, помимо других признаков, не позволяют принять такую древность для ранних слоев Афрасиаба, а следовательно, и для Тали-Барзу I. Все формы сосудов из ранних слоев Афрасиаба местные, среднеазиатско-иранские, так же как и в Тали-Барзу I, что так верно отмечено было для него в свое время Г. В. Григорьевым (см. аналогии с Анау III и Гисар I на стр. 88 его работы). Найденная нами головка терракотовой статуэтки несомненно также представляет собой произведение местного ремесла, развивавшегося на старых среднеазиатских художественных традициях, как это характерно и для терракот Тали-Барзу I. Вошедшее же в практику керамического ремесла применение красного, а иногда и черного лака говорит о том, что эллинистическая культура начала проникать в быт древнего Самарканда. Сопоставляя это с фактами находок железных наконечников стрел,⁶ мы имеем все основания отнести ранние слои Афрасиаба и Тали-Барзу I ко времени после завоевания Средней Азии Александром Македонским и предварительно датируем III—I вв. до н. э. В соответствии с этим следует передвинуть вверх даты Г. В. Григорьева для ТБИ (ахеменидский), ТБIII (эллинистический) и ТБIV (кушанский). Время ТБV (сасанидский) и ТБVI (мусульманский), как определенные на основании находок монет согдинской чеканки, не вызывают сомнений. Поднимая вверх даты для Тали-Барзу I—IV, мы тем самым восполняем в известной степени большой хронологический разрыв в схеме периодизации, разработанной Г. В. Григорьевым для этого памятника. Мы имеем в виду разрыв между так называемым «кушанским» слоем, который относится Г. В. Григорьевым к I в. до н. э.—II в. н. э.,⁷ и сасанидским, который в основном датируется VI—VII вв. н. э.⁸ Такой пересмотр хронологии культурных периодов Тали-Барзу не будет, как нам кажется, противоречить общему ходу эволюции материальной культуры в Средней Азии.

Среди случайных находок раннего времени на Афрасиабе особенно интересным оказался небольшой фрагмент стенки хума с двумя оттисками

¹ Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 40, рис. 47.

² Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВ, т. II, стр. 93, рис. а и б.

³ Там же, рис. в («шашлычница», по терминологии Г. В. Григорьева).

⁴ Там же, табл. I, рис. 4.

⁵ Там же, стр. 87—88.

⁶ На юге Европейской части СССР железные наконечники стрел приходят на смену скифским бронзовым наконечникам стрел во II в. до н. э.; едва ли это происходит значительно раньше и в Средней Азии. Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Сб. РАНИОН «Техника обработки камня и металла», стр. 72—74; С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция 1939 г. КСИИМК, вып. VI, стр. 73.

⁷ Там же, стр. 95.

⁸ Там же, стр. 98.

двух различных овальных печатей: на одном оттиске дано стилизованное изображение (крылатого?) коня с подогнутыми ногами, на другом — всадника на коне (рис. 51, 3). Возможно, что этот предмет относится к кушанскому времени.

На поверхности городища близ мавзолея Ходжа Даныр был найден фигурный кирпич (терракотовая плита) в виде зубчатого украшения какого-то древнего здания, совершенно одинаковый с зубчатыми кирпичами, которые были найдены нами при раскопках замка Ак-Тепе близ гор. Ташкента,¹ восходящего, по данным раскопок 1941 г., к V—VII вв. н. э.

Далее, нам удалось описать два пункта, содержащих культурные остатки одинакового облика и в общих чертах близких по составу находок к Ак-Тепе близ Ташкента. В них были найдены обломки кружек, кувшинов, различных корчаг и фрагменты стеклянных сосудов. Типичными для обоих пунктов оказались кружки, напоминающие отчасти кружки Тали-Барзу V и Кафыр-Кала.² От последних они отличаются большей высотой стенок над плечиками и заменой так типичного для Кафыр-Кала штампованного узора горизонтальным рядом овальных срезов поверхности ножом.

Эти комплексы можно на первых порах отнести к домусульманскому времени, предположительно несколько более раннему, чем Тали-Барзу V и Кафыр-Кала.

Культурные слои послееарабского времени более развиты и богаче представлены в центральной части городища Афрасиаб и достигают наибольшей мощности в юго-западной части, в районах, прилегающих к мечети Ходжа-Хыэр. В полосе, идущей вдоль арыка Сиаб, культурные слои этой эпохи почти совершенно отсутствуют; здесь они отмечаются лишь в районе западнее цитадели (место соборной мечети XII в. по раскопкам Бартольда и Вяткина). Наши стратиграфические наблюдения вполне согласуются с данными анализа, произведенного В. В. Бартольдом письменных источников (обобщенными А. Ю. Якубовским³) о постепенном переходе жизни с Афрасиаба в послееарабское время на юг, а вместе с тем и в кварталы, находившиеся за его пределами, в черту нынешнего старого города. Захват Самарканда монголами в 1220 г. послужил лишь толчком к окончательному запустению Шахристана.

Принимая во внимание наблюдаемые нами факты выхода культурных слоев первых веков до нашей эры непосредственно на поверхность в северной части городища, можно прийти к выводу, что переход жизни с севера на юг в древнем Самарканде начался еще весьма задолго до арабского завоевания. Такая тенденция в жизни города была, несомненно, обусловлена исключительными трудностями в обеспечении его водой из арыков. Занимая выгодное, с оборонительной тактической точки зрения, положение на высоких холмах, Самарканд был, вероятно, неудобен в бытовом отношении.

Проведенная разведка на городище Афрасиаб в основном дала следующие результаты:

1. Стратиграфия культурных наслоений городища имеет ряд своеобразных черт, обусловленных рельефом местности и многовековой интенсивной жизнью большого города; мощность их в среднем 4—6 м, в отдельных пунктах 10—12 м.

¹ А. И. Тереножкин. Раскопки холма Ак-Тепе близ Ташкента в 1940 г. Изв. Узб. филиала АН СССР, 1941, № 3, стр. 52.

² Г. В. Грягорьев. Там же, стр. 101, рис. ж.

³ А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, т. II, стр. 304—305.

2. Наиболее ранние из нижеустановленных культурных слоев на Афрасиабе соответствуют Тали-Барзу I Г. В. Григорьева и могут быть датированы первыми веками до нашей эры.

3. Эти культурные слои обнаруживаются на всей территории городища и определяют значительность размеров Самарканда в предкушанское или раннекушанское время.

4. Данные анализа письменных источников Бартольда и Якубовского о постепенном переходе жизни с городища Афрасиаб на юг в послеарабское время, закончившемся при монгольском завоевании в 1220 г., подтверждаются археологическими наблюдениями. Более того, археологические данные позволяют говорить о том, что процесс перехода жизни на Афрасиабе с севера на юг начался значительно ранее арабского завоевания.

5. Разведка памятника еще не закончена. На первых порах необходимо дообследовать ряд районов города и собрать данные, которые позволяют хотя бы предварительно определить время сооружения тех или иных частей укрепления городища Афрасиаб; необходимо обратить внимание на отыскание более древних культурных остатков, чем обнаруженные в настоящее время,¹ и культурных слоев собственно кушанского и послекушанского времени.

Стационарные археологические раскопки могут уже быть организованы на выявленных объектах предкушанского периода и с целью изучения культуры Самарканда в послеарабское время.

Так как изолированное исследование древнего Самарканда было бы методически неправильным, то мы считаем необходимым в ближайшее же время возобновление археологических работ в его области, так удачно развивавшихся под руководством ныне покойного Г. В. Григорьева.

¹ На древность Самарканда как населенного пункта, помимо того, что он отождествляется с гор. Маракандой времени походов в Среднюю Азию Александра Македонского (329—327 г. до н. э.), может указывать приобретенный в нем у местного жителя Б. Н. Кастальским прекрасный золотой дарик (М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Ср. Азии в 1930 и 1931 гг. Ташкент, 1933, стр. 6).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1948 Ленинград

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В конце мая 1946 г. я имел случай осмотреть археологические материалы, хранящиеся в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР.¹ В основном они состоят из фрагментов и целых глиняных сосудов, добытых В. Р. Чейлытко и другими лицами на городищах и на неукрепленных древних поселениях в западных и южных районах Таджикистана. Среди них можно видеть образцы высокой по качеству изготовления ангобированной, так называемой кушанской керамики первых веков нашей эры; крупную серию находок составляют предметы предмусульманского времени, частично (из района гор. Пенджикента на Зеравшане) датированные монетами согдийских правителей VII в. К мусульманскому периоду (в основном к X—XII вв.) относятся фрагменты глазурованных сосудов, напоминающие известные типы афрасиабской керамики, сосудов ручной лепки с монохромной росписью спиралями, зигзагом, в елочку, в свое время В. Л. Вяткиным ошибочно отнесенных к трипольской культуре.²

Наряду с предметами этих культур, облик которых в ходе новейших археологических исследований становится с каждым годом все более и более ясным, в собрании Института оказались три находки предметов, восходящих к более ранним и еще весьма слабо освещенным этапам истории материальной культуры древних народов Средней Азии. Они включают в себя медный топор и несколько круглодонных сосудов.

Топор из красной меди (рис. 36) найден в январе 1941 г. при прокладке трассы узкоколейной железной дороги Сталинабад — Курган-тюбе на глубине 5 м от поверхности в выемке у кишлака Шаршар, в 40 км к югу от гор. Сталинабада. Находка была доставлена в Институт руководителем работ на этом участке строительства.

Топор проушной с сравнительно длинным, несколько оттянутым назад широким (частично попорченным) обушком, стоящим поперечно по отношению к оси проуха; в месте узкого круглого проуха топор сильно расширяется, приобретая ромбовидную форму; клин топора продольный, массивный и изогнут сообразно с расчетом нанесения удара передним концом лезвия; длина топора 16.6 см, ширина по лезвию 7.4 см, диаметр проуха 2.9 см.

¹ Пользуемся случаем выразить благодарность директору Института тов. Хусейнзаде, оказавшему любезное содействие при ознакомлении с коллекциями.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 40; А. И. Тереножкин. Литература по археологии Узбекистана. Вестник древней истории, 1939, № 1, стр. 190—191.

В Музее культуры в Самарканде имеется медный топор, найденный при неизвестных обстоятельствах в дореволюционное время в районе гор Пенджикента. Топор (рис. 37) отлит из красной меди и подправлен отковкой. Обушковая часть топора очень широкая и так пристроена к концу, что напоминает тесло; проух — круглый, небольшого диаметра; в проухе топор ромбовидно расширяется и переходит в массивный продольный клин с полукруглым лезвием; длина топора 21.5 см, ширина по лезвию 7.8 см, диаметр проуха 3 см.

Сравнительно легкий и фигурно изогнутый шаршарский топор, несомненно, был боевым оружием. В более крупном, массивном и простом по схеме пенджикентском топоре, повидимому, следует видеть орудие с функциями топора-тесла. Отличаясь, возможно,

функционально и в деталях, топоры в общем принадлежат к одному типу проушных топоров с поперечным широким обушком и продольным лезвием.

Других случаев находок подобных топоров в Средней Азии нам неизвестно. Они не имеют ничего общего по форме с известными крупными

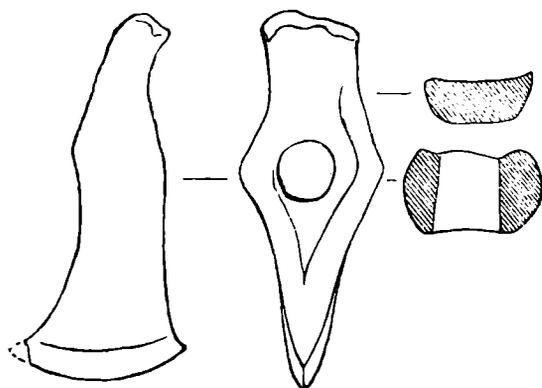

Рис. 36. Медный топор из кишлака Шаршар в 40 км южнее гор Сталинабада

вислообушными топорами с большим гребнем, часто находимым в Казахстане и в Киргизии, которым присвоено название азиатско-туркестанских,¹ и с бронзовым тоже вислообушным топором восточно-европейского типа (особенно типичного для андроновской культуры), найденным в кладе бронзовых изделий близ с. Чимбайлык в верховьях р. Чирчик (хранится в Историческом музее гор. Ташкента). Отсутствие параллелей и других иных наводящих данных затрудняет датировку таджикстанских медных топоров. В настоящее время можно лишь весьма условно предположить, что эти совершенные в функциональном отношении

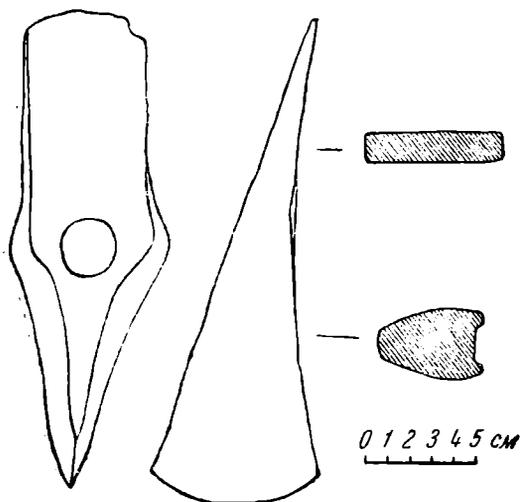

Рис. 37. Медный топор из района гор Пенджикента

орудия могут относиться к середине II тысячелетия до н. э.

Важность находок медных топоров в Таджикистане заключается в том, что они впервые проливают свет на бронзовый век центральных районов Средней Азии.

Круглодонные глиняные сосуды были найдены в том же 1941 г. в кишлаке Шаршар и в самом гор. Сталинабаде. Из находки при строительстве железной дороги в Шаршаре нами осмотрены три сосуда. Они изготовлены из чистой глины, без применения гончарного круга; снаружи тщательно заглажены, внутри имеют вдавления от пальцев, обож-

¹ А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit, стр. 64.

жены ровно, так что черепок крепкий, желтого (лёссового) или красноватого цвета.

Один сосуд (рис. 38—1) имеет вид глубокой чаши или кубка с широким горлом и круглым, явно случайно (набок), чуть уплощенным дном, наружные поверхности от венчика до дна изящно залощены узкими косыми полосками; высота сосуда 12 см, диаметр венчика 10.6 см.

Второй сосуд (рис. 38—2) — глубокая миска с сильно вогнутыми внутрь краями и круглым дном, на стенках которой снаружи видны незначительные следы лощения; высота сосуда 9 см, диаметр венчика 16.6 см.

Третий сосуд (рис. 38—3) — низкая открытая миска с круглым, но сильно уплощенным дном, гладкими внутренними и наружными поверхностями; высота сосуда 6 см, диаметр венчика 21.4 см.

Обстоятельства находки неизвестны, судя же по сохранности сосудов и по групповому поступлению, они, вероятнее всего, происходят из погребения.

В Сталинабаде сосуды были найдены при закладке геологического шурфа на восточной окраине города, на краю третьей террасы р. Дюшамбинки. Место находки было исследовано археологом П. С. Смолич, которым было зарегистрировано, что здесь находилось погребение в скорченном положении на правом боку (по нашему мнению, погребение в катакомбе, случайно получившее сходство со скорченным), го-

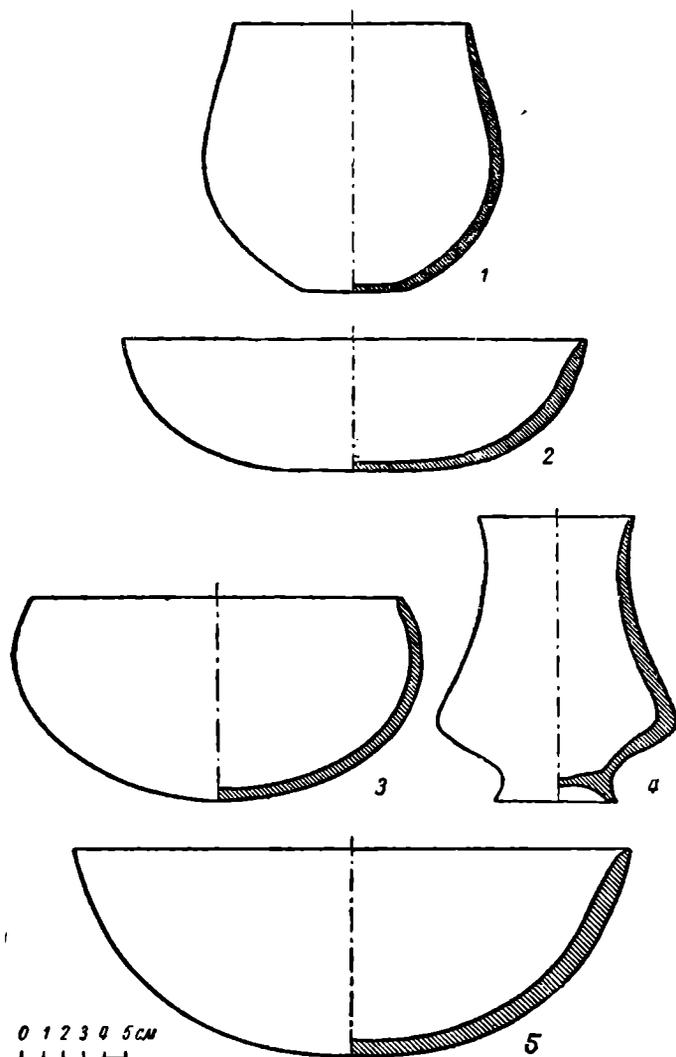

Рис. 38. Глиняные сосуды
1 — 3 — из кишлака Шаршар; 4 — 5 — из погребения в гор. Сталинабаде

ловой на восток, сопровождавшееся 9 сосудами — круглодонными горшками и мисками и плоскодонными кружками.

Нами осмотрены только 7 сосудов. Три из них представляют собою открытые неглубокие миски с круглым, сравнительно сильно уплощенным дном; диаметр одной — 25.5 см, высота 9.5 см; размеры других приблизительно такие же.

Четыре кружки — своеобразной биконической формы, с высоким, отогнутым наружу венчиком и небольшим донцем на низком поддоне (рис.

38—4). По размерам они близки одна к другой: высота одной из них 13 см, диаметр венчика 7 см, диаметр дна 5 см.

В техническом отношении сосуды из погребения в Сталинабаде уступают находкам из Шаршара. Они несколько грубее, не имеют лощения и в отличие от шаршарских покрыты красноватым ангобом. Однако они связываются между собой наличием общих форм, и на основании этого могут быть отнесены к одной культурной стадии.

В восточной части Средней Азии выявлен мощный пласт культур, характеризующихся наличием круглодонных форм сосудов. В Семиречье они типичны для культуры саков, открытой в течение последних лет А. Н. Бернштамом и для культуры усуней.¹ Для предконгюйского времени в бассейне рек Чирчика и Ангрена нами установлена бургулюкская культура, наиболее ярким признаком которой является также круглодонная керамика.² Одновременная и близкая по характеру культура определена для Ферганы Т. Г. Оболдуевой в 1940 г.³

Открытие экспедицией С. П. Толстова в 1939 г. городища Кузялягыр IV—III вв. до н. э. в Ташаузском округе Туркменской ССР показывает, что круглодонная посуда имела распространение и в культурах северо-запада Средней Азии. В свете этих данных, находка круглодонных глиняных сосудов ручной лепки в Таджикистане заслуживает весьма пристального внимания, так как она восполняет недостающее звено в распространении культур с круглодонной керамикой в центральных частях Средней Азии. Эта находка подводит нас к исследованию греко-бактрийской культуры в Таджикистане и, нужно полагать, в Самаркандской обл., на местных памятниках, где проблема этой культуры так блестяще раскрывается К. В. Тревер на основании изучения произведений греко-бактрийского искусства. Совершенно закономерно и то, что полусферическая форма золотых и серебряных чаш, восходящих к греко-бактрийской культуре, в свете новых находок оказалась вполне свойственной и для керамических изделий.⁴

¹ А. И. Тереножкин. Археол. разведки по р. Чу в 1929 г. Проблемы докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, стр. 141; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. Вестник древней истории, 1938, № 3, стр. 162—179.

² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 32—33; его же. Каунчи-тепе. Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—86.

³ Т. Г. Оболдуева. Археол. наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 30.

⁴ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1941, стр. 67 и др.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1951 Ленинград

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБЕ

В 1948 г. по поручению Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР продолжались раскопки на городище Афрасиабе (место древнего Самарканда до 1220 г.). Работы производились в пункте № 10, на левом берегу оврага, у мавзолея Ходжа-Даньяра, в северной части городища, к востоку от цитадели. Здесь еще в 1945 г. нами был открыт большой район, занятый остатками гончарных мастерских времени Тали-Барзу I, которое мы датируем рубежом нашей эры. Большой зольник, отчетливо заметный в вертикальном обрыве оврага, судя по предварительному осмотру, мог дать много материалов, которые позволят глубже изучить этот важный, но еще очень слабо освещенный этап в истории материальной культуры Самарканда.

Раскопками в этом пункте вскрыта на глубину 7 м площадка 18 м длины и 5—9 м ширины. Пройти всю толщу культурных наслоений нам не удалось, так как, судя по обнажению, она достигает 9—10 м.

Вскрытая толща слагалась из наслоений трех культурных этапов: верхних — мусульманского средневековья, средних — тюркского периода (Тали-Барзу V) и нижних, самых мощных, соответствующих периоду Тали-Барзу I.

Слои мусульманского средневековья почти полностью уничтожены смывами в овраг. Только большое количество поглощающих колодцев, открытых раскопками, показало действительное значение этого места в жизни средневекового города. Ямы трех колодцев оказались особенно интересными.

Яма колодца № 1 заполнена остатками, происходившими из мастерской ремесленника, оружейника-панцырщика. В ней найдено железное массивное зубило, небольшая наковаленка, 45 продолговатых железных пластин от различных панцырей и 2 гвоздя с широкими шляпками. Посуда из колодца представлена обломками чашечек из кашина (белая фарфористая масса), покрытых прекрасной голубой глазурью, белых глазированных блюд с росписью темной и светлой коричневой, желтой и зеленой красками, кувшинов из светлосерой глины. Судя по этой посуде, имеющей черты сходства с самаркандской керамикой уже монгольского периода (XIII—XIV вв.), колодец можно отнести к XI или, вернее, к XII в.

Колодец № 4 дал одновременные культурные остатки. Он был неглубок и содержал почти сплошную массу разбитых рюмок с высокими ножками из прозрачного белого стекла; среди них найдены чашечка желтовато-зеленого стекла, разные пастовые бусы и подвески от дешевых ожерелий, железный нож, обрывок железной кольчуги и 6 игральные косточки из овечьих астрагалов.

Колодец № 3 был более 13 м глубины. У самого верха его найден единственный обломок белого глазированного блюда с голубовато-зеленой расплывчатой росписью. Вся прочая глиняная посуда имеет простой красный обжиг. Кроме обломков хумов, кувшинов, кружек, украшенных срезами по плечу, найдены: целая кружка с замешанным в ней гипсом, миниатюрный горшочек, 2 низкие плоские с ребристым плечом, большое количество обломков стеклянных кружек с рельефным узором, целая железная теша (среднеазиатское тесло) и целый железный кетмень (мотыга). Ряд типичных черт указывает, что данный комплекс относится к концу VIII в. и может быть связан со двором какого-то жителя Самарканда, занимавшегося садоводством и земледелием.

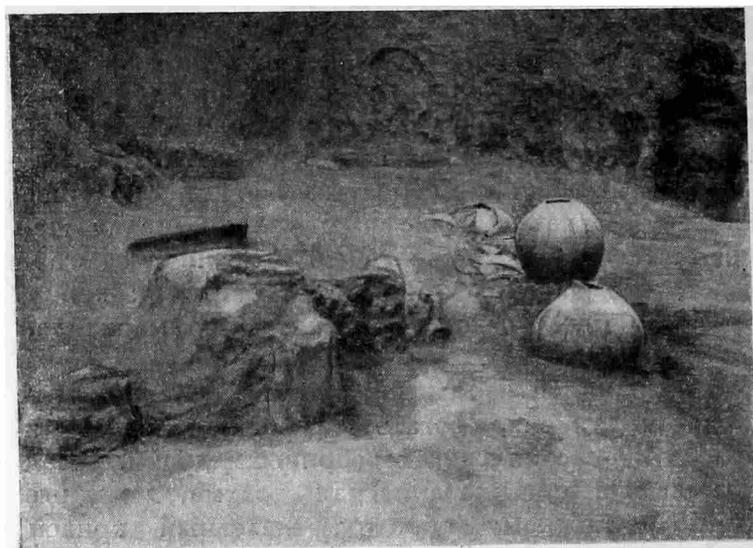
В слое тюркского периода сохранился небольшой участок пола помещения со стоявшей на нем корчагой для вина, богато украшенной резьбой и налепами; внутри нее оказалось 20 сасанидских серебряных драхм. Над полом и в его настиле найдены еще одна сасанидская драхма, 3 медные монеты согдийской чеканки по китайскому образцу, железный кривой (садового типа) нож, простой нож с горбатой спинкой, крупное кольцо из нефрита, бронзовая поделка в виде тонкой ручки с двумя головками коньков, ручка пальметкой от бронзового косметического сосулика, 6 тонких железных проколов (шильца? иглы?) и свинцовая ворварка.

На 2 м ниже поверхности, под весьма плотным слоем глинобитных кладок, открылся зольник, а рядом с ним — гончарная печь, относящиеся к стадии Тали-Барзу I. От гончарной печи сохранилась топка с обрушившимся сводом, разделенная внутри толстой перегородкой на две половины. В общем она имела одинаковое устройство с гончарной печью, которая была исследована нами в пункте № 9 (на берегу этого же оврага) в 1945 г. В золе и земле, заполнявшей печь, найден почти целый кубок в виде вазы на устойчивой ножке, детский молочник — кувшинчик с носиком для сосания, глубокая мисочка и часть сильно попорченного глиняного изображения с двумя головами баранов.

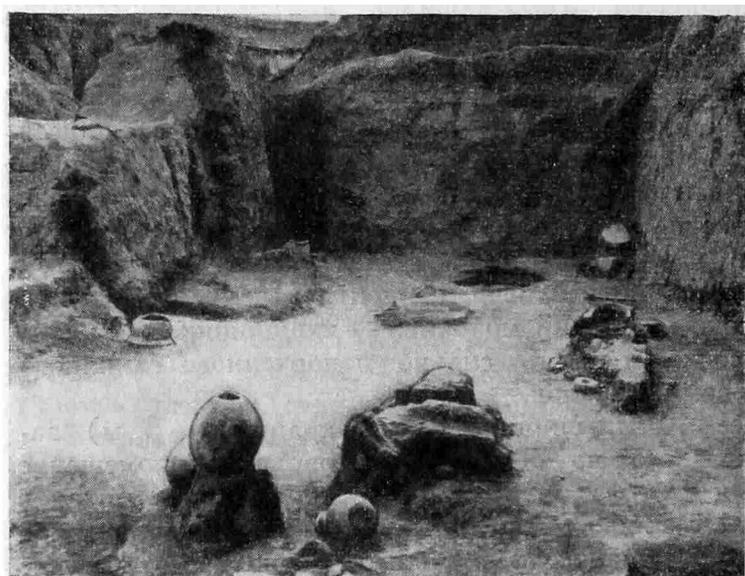
Зольник (длина — более 10 м, ширина — 5 м, толщина — 3 м) заполнял не яму, как это казалось по обнажению в овраге, а помещение гончарной мастерской. Он состоял из золы с прослойками спекшихся в огне комьев глины, кусков обмазки от гончарных печей, глиняных шлаков и обломков глиняных сосудов. Обращает внимание почти полное отсутствие обломков керамического брака, получавшегося от чрезмерно высоких температур. Среди обломков преобладали хумы (корчаги) и кубки. В верхних горизонтах встречались кубки типа вазы на высокой устойчивой ножке, ниже — чаще стали встречаться такие же вазы на укороченной ножке, а то и просто на поддоне (в последнем случае они имеют вид простых чаш). Нашлось несколько обломков от вырождающихся (крайнее огрубение форм) конических кубков на неустойчивой ножке типа Афрасиаб IV. Хумы имеют отогнутый край, увенчанный простым круглым валиком или широким гладким пояском. Они чаще других сосудов украшались волнистым орнаментом. Встречались обычные для стадии Тали-Барзу I конические крышки для хумов с выступом посередине.

В находках представлены корчажки с широким краем, которые при большем отгибе края и меньшей высоте имеют вид глубоких блюд. Они обычно украшались по краю узором из волнистых линий и короткими косыми нарезками. Есть воронки в виде конической мисочки с одним отверстием в дне.

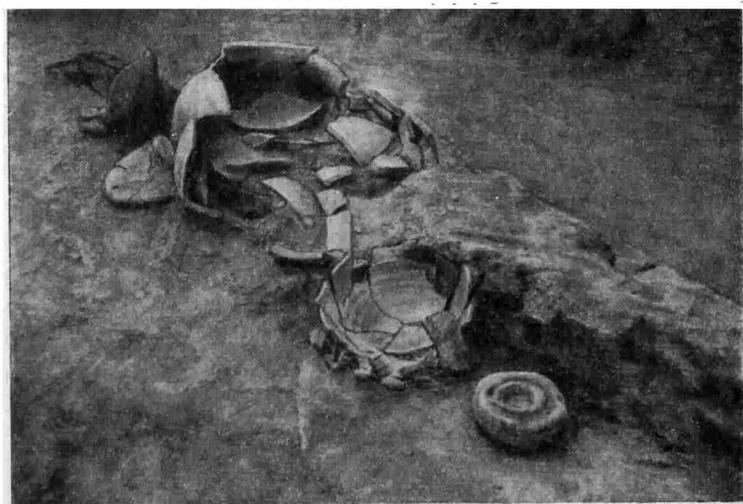
В зольнике найдено значительное количество обломков шаровидных котлов, чем подтверждается правильность нашего предположения, что они в это время делались уже не домашним путем, как раньше, а гончарами-ремесленниками. От обжига в гончарных печах они имеют в изломе желтовато-красный цвет. Были найдены курильницы в виде чаши на высокой

1

2

3

Рис. 37. Афрасиаб. Гончарная мастерская

1 — северная часть (на переднем плане — запас глины); 2 — южная часть; 3 — камень (пята для оси) от гончарного круга и сосуды

ножке, вылепленные из такой же глины с обильной примесью песка или дресвы, из какой делались котлы.

Весьма интересна одна глиняная курильница красного обжига, сделанная в виде колонны на трех ножках с чашей наверху и лепными изображениями стоящих и сидящих фигурок божеств в двух ярусах по стволу колонны. К сожалению, курильница сильно фрагментирована. Сохранилась, и то без головы, одна самая крупная и, повидимому, самая главная фигурка в этом «пантеоне». Она изображена сидящей с поджатыми ногами и руками, положенными на колени. Свободой композиции фигурка ближе всего напоминает изображения на кушанских монетах.

Не менее интересны терракотовые фигурки, найденные в большом количестве в разных горизонтах зольника. Среди них две совершенно целые, что так редко для находок на Афрасиабе. Все они односторонние, оттиснутые в формах. Женские фигурки, которые, повидимому, совершенно справедливо Г. В. Григорьев считает изображениями Анахиты, имеют на голове «фригийский» колпак с загнутым вперед или набок верхом, гривну на шее и пестро

декорированные длинные одеяния. Каждая из них держит в одной руке плод, повидимому граната, а в другой руке — цветок. У мужских фигурок в руках нет ничего. Одеждой у них служит род короткого кафтана, перетянутого поясом, и обувь в виде высоких сапог. Есть обычные фигурки всадников на конях сильно схематизированного типа. Любопытна головка крупной фигурки лося или оленя с широкими рогами.

Рис. 38. Афрасиаб. Изображения Анахиты (?) по глиняным слепкам с формочек, найденных в керамической мастерской. $\frac{3}{4}$ нат. вел.

Упомянем еще находку глиняных столиков на трех ножках с тамгой кушанского типа, прочерченной пальцем на нижней стороне, но не с тремя, а с четырьмя зубцами ($\frac{|||}{|}$).

Под зольником и земляным завалом на глубине 6—7 м ниже поверхности открылась часть гончарной мастерской с глинобитными стенками до 3 м высоты. Длина помещения — 10 м, ширину определить не удалось, так как с одной стороны оно не полностью вошло в площадь раскопок.

В северной стене помещения (рис. 37—1) находился большой каминнообразный очаг, рядом с которым в пол был врыт хум и лежал обломок большой ручной зернотерки. Почти в середине помещения возвышалась куча желтой глины, обсеченная по краям лопаточкой, которой гончар брал глину для изготовления сосудов. Около лежал большой ком зеленоватой глины, такой же, какую и современные самаркандские гончары добавляют в замес, чтобы улучшить его пластичность.

Между северной стеной и глиной на полу находились 2 корчаги, 2 кувшина без горла, небольшой целый кувшин (раздавлен землей) и длинный сланцевый точильный камень.

К юго-западу от кучи заготовленной глины (рис. 37—2, 3) стоял круглый гранитный камень с лункой, служивший пятой для гончарного круга, от вращения которого края камня отполировались до блеска. Рядом находились две глиняные формы для изготовления терракотовых женских статуэток (рис. 38—1, 2), фляга-мустахара, крышка грубой ручной лепки, небольшой котел и снова целая форма для штамповки терракотовых статуэток (рис. 38—3).

К юго-востоку от глиняных запасов стояла перевернутая вниз горлом корчажка без дна; дно было вырезано до обжига. Внутри нее находился необожженный круглодонный сосудик ручной лепки. Рядом находились котел и корчажка с плоским дном (оба раздавленные землей). Ближе к южной стене был сделан из обломков сырцовых кирпичей очаг.

У южной стены найдены 2 гранитные ручные зернотерки и 2 раздавленных котла.

Наконец, у восточной стены лежал раздавленный землей хум, около которого найдены 2 ручки в виде животных от небольших глиняных сосудов и весьма своеобразный высокий кубок с коническим дном, сделанный без ножи.

Пол мастерской местами сплошь покрыт обрезками глины, получающимися при изготовлении сосудов на гончарном круге, и раздавленными необожженными сосудами различных форм. Совокупность открытого рисует перед нами обстановку и многие стороны керамического процесса, так сказать на ходу, в большой гончарной мастерской, покинутой ее владельцем и работниками совершенно внезапно, вероятнее всего по случаю какой-нибудь катастрофы, постигшей древний Самарканд.

Раскопки в пункте № 10 дали много новых данных о гончарном ремесленном производстве времени Тали-Барзу I, т. е. на рубеже нашей эры. Они дали широкое представление о богатстве керамических форм, значительно углубили представление об уровне материальной культуры и даже об искусстве. Более четко определился стиль терракот, которые впервые найдены на Афрасиабе в таком значительном количестве и, что особенно важно, комплексно в составе прочих предметов материальной культуры этой древности.

Крайне интересны формы для терракот, лежавшие около гончарного круга в мастерской. Изображение одной из них (рис. 38—3) может быть поставлено в связь с памятниками гандхарского искусства, конечно не одеяниями, носящими совершенно местные черты, а скульптурой головы. В изображении другой формы (рис. 38—2) можно видеть воспроизведение какой-то настоящей статуи, позволяющей и по этой миниатюрной копии говорить об известной выразительности и самостоятельности древнего согдийского искусства. Ручки сосудов из мастерской, оформленные в виде животных, подтвердили правильность заключения Г. В. Григорьева о связи Согда времени Тали-Барзу I с ташкентской культурой Каунчи II, что на данном этапе наших знаний, в свою очередь, служит веским доводом в пользу признания датировки Тали-Барзу I рубежом нашей эры.
